

Все разом повернулись к нему.

Юй Юй стоял посреди двора, уперев руки в бока. Его крошечная фигурка бросалась в глаза среди толпы, а детское личико покраснело от волнения.

— А-Цин – слуга из моих покоев! Я ни в чем не виноват, а он ни за что ни про что принял удар на себя! Говорят же: бьешь собаку – смотри, кто хозяин! Если спустить это с рук, сегодня меня хлестнут один раз, завтра другой, а потом и вовсе каждый встречный начнет вытирать об меня ноги? — В его голосе звучало нарочитое детское упрямство – будто он просто закусил удила.

Тут же А-Цин уставился на него с таким неприкрытым обожанием, будто готов был взглядом покрыть господина сусальным золотом.

Кожа у него грубая, подумаешь – разок плетью огрели, делов-то. Но... но!

«Какой же молодой господин крутой...

Аж сердце тук-тук-тук...»

— Совсем от рук отбился! — Господин Юй никак не ожидал от него подобных речей и пришел в ярость:

— Ты что же, вздумал вернуть этот удар собственному отцу?!

«Подумаешь, какой-то раб! Ну ударили и ударили, чего шум поднимать?!»

Господин Юй уже было устыдился, что напрасно обвинил сына, но теперь последние крупички вины испарились без следа.

Юй Юй покачал головой, и на его личике появилось редкое для ребенка серьезное выражение:

— Я не смею. — Он перевел взгляд на Юй У, прятавшегося за спиной госпожи Жун. — Но виновный должен понести ответ. Не возведи четвертый брат на меня напраслину, ничего бы этого не произошло.

Чем сильнее окружающие пытались замять дело, тем упорнее он докапывался до сути.

Юй У вмиг побледнел как полотно.

Он никак не мог взять в толк, почему прежде глупый и грубый третий брат сегодня вдруг стал таким язвительным и напористым.

Несмотря на малый возраст, он прекрасно знал, как добиваться благосклонности в доме: чем разнузданнее ведет себя Юй Юй, тем больше отец ценит его, Юй У.

Но сегодня этот прием с треском провалился.

Пока мальчик пребывал в оцепенении, госпожа Жун поспешно заслонила его собой и дрожащим голосом произнесла:

— У-эр еще мал и неразумен, я готова понести наказание вместо него!

Юй Юй не дал ей выкрутиться и решительно покачал головой:

— Тетя Жун, вы совсем с ума сошли?

Госпожа Жун сухо усмехнулась:

— О чем ты говоришь, Юй-эр?

— Если старшие станут отвечать за проступки младших, люди скажут, что в поместье Юй нет никаких порядков и мы ничем не лучше безродного сброда, — с этими словами он дернул господина Юя за рукав и, словно взрослый, важно кивнул:

— Папенька превыше всего ставит доброе имя рода, неужели из-за непутевого сына мы опозорим вековую честь семьи Юй?

Эти слова, точно острый клинок, попали в самую уязвимую точку господина Юя.

Все присутствующие затаили дыхание, следя за его реакцией.

Тетушки и дядюшки принялись вполголоса перешептываться:

— Ох... выходит, третьего молодого господина и правда оклеветали?

— Ну, вспыльчивый он мальчик, конечно, но надо же по справедливости судить.

— Верно. Кто виноват, тот и должен отвечать, таков порядок.

— Господин всегда был справедлив и строг, он непременно рассудит как надо!

Слова родичей окончательно загнали главу семейства в угол.

Лицо господина Юя потемнело, и в конце концов он глухо произнес:

— Юй-эр говорит дельные вещи.

Он повернулся к трясущемуся Юй У и строго велел:

— Протяни руку!

Что важнее – слезы младшего сына или необходимость заткнуть праздные рты? Господин Юй явно выбрал второе.

— П-папенька... — Юй У разрыдался, размазывая по лицу слезы и сопли, и попытался спрятаться за мать. Отец никогда прежде не поднимал на него руку, а тут еще и на глазах у всех!

— Выходи! — рявкнул господин Юй.

Юй У не посмел ослушаться: он сделал шаг вперед и боязливо протянул ладошку.

Но едва господин Юй занес плеть, как за его спиной раздался звонкий командный окрик:

— На колени!

Все изумленно обернулись: Юй Юй стоял, скрестив руки на груди, высоко задрав подбородок и с насмешливым превосходством глядя на брата:

— Не слышал, что ли? Наказание принимают на коленях!

Юй У уставился на него с такой злобой, будто хотел прожечь в нем дыру.

Даже господин Юй не понял, что за выходку устроил сын, и уже нахмурился, собираясь вмешаться, но Юй Юй опередил его.

Мальчик со всего размаха пнул стоящую рядом скамеечку и нагло бросил:

— Чего уставился? Раз отец наказывает, изволь стоять на коленях! Или думаешь, стоя под плетью, покажешься героем?

Жалея младшего сына, господин Юй не хотел доводить дело до крайнего унижения. Он попытался осадить Юй Юя, но слова застряли в горле: совсем недавно он сам приказал Юй Юю публично опуститься на колени.

Лицо Юй У перекосило, будто ему вlepили невидимую оплеуху.

Однако вступить за него больше никто не смел.

Юй У оставалось лишь униженно опуститься на колени, дрожа всем телом.

Хлысь!

Плеть со свистом рассекла воздух и безжалостно опустилась на ладонь Юй У, оставив багровую полосу.

По сравнению с тем ударом, что достался А-Цину, наказание по ладони было сущим пустяком.

— А-а-а-а! — И все же Юй У взревел во всю глотку, словно претерпел величайшую в мире муку, и слезы полились в три ручья.

У госпожи Жун разрывалось сердце, но перечить мужу она не смела. Женщина бросилась к сыну, крепко обняла его и беззвучно заплакала.

Она сама виновата – проявила беспечность...

Раньше она слишком полагалась на мнимую глупость Юй Юя и забыла, что они оба – дети, а значит, оружие Юй У с тем же успехом может обернуться против него самого.

Пока Юй У всхлипывал у нее на груди, госпожа Жун машинально гладила его по спине, а мысли ее лихорадочно крутились. Сегодня она поторопилась и дала Юй Юю возможность перехватить инициативу. Следовало действовать осмотрительнее, не позволять У-эру лезть на рожон... и нужно было действовать жестче, чтобы наверняка убедиться, что мерзкий раб испустил дух.

А Юй Юй тем временем не упустил случая подлить масла в огонь:

— Тетя Жун, вчера вы говорили, что готовы тайком забивать слуг насмерть ради меня. Не надо так больше делать. — Он невинно захлопал большими глазами, хотя держался вызывающе нагло: — В конце концов, папенька не любит, когда в доме кого-то убивают.

— Ты! — Госпожа Жун до боли впиалась ногтями в ладони, но все же заставила себя выдавить

подобие улыбки:

— Да... Юй-эр прав... тетя Жун запомнит.

Господин Юй с глубоким смыслом посмотрел на супругу, явно приняв слова сына на веру.

Госпожа Жун с затаенным страхом потупилась, делая вид, будто ничего не произошло.

— Похоже, госпоже тоже не помешает посидеть в своих покоях и успокоить мысли, — произнес господин Юй. — Следующие два месяца со двора ни ногой, проводи это время с У-эром.

— ...Слушаюсь, господин, — госпожа Жун едва не раскрошила зубы от злости.

Разобравшись с этой морокой, господин Юй нахмурился, устало махнул рукой и пошел прочь, взметнув полы одежд:

— Расходитесь!

Вслед за ним толпа мало-помалу рассеялась. На лицах родичей застыло удивление, отовсюду доносился приглушенный шепот.

Юй Юй с облегчением выдохнул: балаган наконец-то закончился.

Эта перепалка вымотала его сильнее, чем защита презентации перед начальством в прошлой жизни. Он отлично понимал, что господин Юй вовсе не стремился к справедливости – легкое наказание назначено исключительно ради сохранения лица, но мальчику было все равно.

Склоки – дело хлопотное, но пуганая ворона куста боится: теперь эта парочка на какое-то время затихнет.

Юй Юй гордо зашагал прочь, скромно унося лавры победителя.

«Постойте...», – Юй Юй резко затормозил и обернулся.

Главный герой все еще стоял на коленях!

В углу двора Янь Ваньчжоу по-прежнему неподвижно замер на каменных плитах, его тонкая фигурка словно слилась с тенью.

Юй Юй развернулся на пятках и бросился обратно. Взметнувшиеся полы его одежд принесли с

собой свежий аромат – словно трава после дождя с легкой примесью целебных трав.

Запах коснулся носа Янь Ваньчжоу, заставив его невольно поднять голову.

Перед его глазами появилась белая детская ладошка.

Янь Ваньчжоу проследил взглядом за рукой и встретился с живыми миндалевидными глазами, которые под кружащим ивовым пухом сияли непривычно ярко.

Юй Юй бросил ему:

— Пошли.

...

Не зная Юй Юй заранее, что перед ним главный герой, он всерьез считал бы Янь Ваньчжоу немым.

Со вчерашнего падения в воду и до утреннего скандала – целые сутки напролет – он не слышал от него ни единого звука. Даже после таких бурных событий юноша оставался безмолвным, как бревно.

Приведя Янь Ваньчжоу к себе в комнату, Юй Юй рассчитывал под прикрытием отношений «господин – слуга» прощупать характер юного протагониста, но между ними повисла такая неловкость, что хоть ножом резать; ни о какой беседе и речи быть не могло.

Юй Юй оставалось лишь пододвинуть к нему тарелку со сладостями.

Янь Ваньчжоу стоял, потупив взор, не шелохнувшись.

Тогда Юй Юй взял пирожное и протянул ему прямо в руки.

Янь Ваньчжоу молча уставился на него.

Напряжение стало невыносимым, и Юй Юй, напустив на себя раздраженный вид, прикрикнул:

— Ешь давай.

«С такой температурой столько времени простоял на коленях – неужели есть не хочется?»

Янь Ваньчжоу взял пирожное, бережно держа его в ладонях, но в рот так и не отправил. В его глазах читалось слишком многое: настороженность, недоумение... Он не понимал переменчивого нрава своего господина.

Сладость в ладони источала манящий аромат, от которого сведенный голодом желудок скрутило спазмом. Но чем сильнее мучил голод, тем больше деревенели пальцы: он прекрасно понимал, что это может оказаться новой изощренной пыткой.

«Что будет... если я это съем?»

На уловках Юй Юя он собаку съел: юный господин только с виду казался простодушным, но никогда не делал добра без скрытого умысла.

Он ненавидел Юй Юя. Ненавидел настолько, что одно лишь присутствие рядом требовало всех душевных сил, чтобы подавить отвращение. И пусть он пока не видел чужих скрытых мотивов, инстинкт требовал одного: держаться как можно дальше.

Именно так – отвращение.

Он никогда в жизни не станет доверять человеку перед собой.

Все это – сплошной обман.

Под его пристальным взглядом Юй Юй почувствовал себя неуютно и мысленно вздохнул: «У забитых детей и впрямь запредельная подозрительность... А ведь вчера, когда он так крепко меня обнимал, казался даже милым – подарил иллюзию, будто мы можем поладить».

Впрочем, понять опасения Янь Ваньчжоу было нетрудно: любой человек, подвергавшийся постоянным издевательствам, внезапную доброту мучителя примет за ловушку.

Перед ним стоял будущий владыка, которому суждено взойти на вершину мира бессмертных, а сейчас он боялся даже съесть кусок пирожного.

— Не отравлено, — Юй Юй взял второе пирожное, смачно откусил половину и невнятно пробормотал с набитым ртом:

— Видишь? Есть можно.

Угощение было из клейкого риса с начинкой из османтуса и слегка липло к зубам. Юй Юй долго и усердно жевал, надув щеки, отчего стал похож на хомяка.

Жуя, он украдкой следил за реакцией собеседника, думая про себя: «Неужели главному герою не по душе сладкое? Он из тех, кто предпочитает соленьенькое?»

Янь Ваньчжоу опустил ресницы.

Он не понимал, что это за игра.

— ...Благодарю, молодой господин.

Под выжидающим взглядом Юй Юя Янь Ваньчжоу все же заговорил. Голос прозвучал глухо и бесстрастно, словно он просто механически исполнил господский приказ.

Когда юноша склонил голову и откусил первый кусочек, Юй Юй заметил, как едва заметно дрогнули кончики его пальцев.

Быть может, оттого, что он отродясь не пробовал ничего столь сладкого и вкусного, а может, из страха перед неизвестным, но в глазах Янь Ваньчжоу промелькнула слабая, едва уловимая тень чувства – будто на иссохшую землю упала одинокая капля воды. Но наваждение тут же растаяло, уступив место привычному безразличию.

Юй Юй подпер щеку рукой. В груди вдруг стало тесно, и все заготовленные речи застряли в горле.

Янь Ваньчжоу напоминал брошенного пса, которого часто били, – он весь ошетинился недоверием.

Такую настороженность в одночасье не разрушить. Подобная спешка была ошибкой – она лишь распаляла подозрения.

Видя, что пирожное не вызывает у гостя восторга, Юй Юй не стал неволить мальчишку: махнул рукой и нарочито грубо велел ему убираться.

Правда, перед уходом все же силой всучил Янь Ваньчжоу недоиспользованную баночку с заживляющей мазью.

<http://bllate.org/book/21541/2215393>